

Сургуладзе Вахтанг Шотович*, кандидат философских наук ведущий эксперт Аналитической группы "С.Т.К."

Рождение Третьего рейха глазами очевидца (Политическая психология воздействия на личное пространство при авторитарном идеократическом режиме)¹

В Санкт-Петербургском издательстве Ивана Лимбаха впервые на русском языке опубликован важный документальный источник по внутриполитической истории Веймарской Германии и Третьего рейха – работа Себастьяна Хафнера "История одного немца".

С. Хафнер – псевдоним немецко-британского журналиста, публициста, историка-антифашиста Раймунда Претцеля (1907–1999). Автор изучал право и поступил на государственную службу в Верховный апелляционный суд Пруссии, откуда уволился после 1933 г. До 1936 г. был консультантом в немецких судах, часто замещал адвокатов². Эмигрировал из Третьего рейха в Великобританию, где опубликовал работу о внутриполитической ситуации в Германии, привлёкшую внимание британского истеблишмента³. Во время Второй мировой войны, как немец, был интернирован. В Германию вернулся в 1954 г. Известность приобрёл благодаря трудам по европейской истории XIX–XX вв.⁴

"Историю одного немца" С. Хафнер написал летом 1939 г.⁵, но опубликована она была только после его смерти. Историк назвал произведение романом⁶, поскольку многие описываемые события своей личной жизни

* bafing@mail.ru

¹ Рецензия на книгу: Хафнер С. История одного немца : Частный человек против тысячелетнего рейха / Себастьян Хафнер ; пер. с нем. Н. Елисеева ; под ред. Г. Снежинской. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. 448 с.

² Хафнер С. История одного немца... С. 433–434.

³ См. его работу этого периода: Haffner S. Germany: Jekyll and Hyde: A Contemporary Account of Nazi Germany. L.: Little, Brown Book, 2008. 336 p.

⁴ См. издания на русском языке: Хафнер С. Некто Гитлер: Политика преступления. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 314 с.; Пикер Г., Хаффнер С. План "Ост": Как правильно поделить Россию. М.: Алгоритм, 2011. 253 с.; Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. 244 с.; Хафнер С. Самоубийство Германской империи. М.: Прогресс, 1972. 144 с.

⁵ Хафнер С. История одного немца... С. 371.

⁶ Ср. с "документальным романом" В. Гонима, также написанным по свежим "революционным следам" событий революции 2011 г. в Египте: Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Лениздат; Команда А, 2012. 352 с.; Сургуладзе В.Ш. Методология "демократических" переворотов: Египетский пример // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 260–267.

он изменил, чтобы от нацистского террора не пострадали упоминаемые в нём люди и сам автор, скрывавшийся под псевдонимом.

Анализу и описанию правительств Германии, предшествовавших приходу Гитлера к власти, посвящена первая часть книги⁷. Во второй раскрывается процесс стремительного и неожиданного для большинства переворота государственной и общественной жизни при нацистах⁸. В третьей, заключительной части описывается личный опыт и бегство из Третьего рейха⁹.

Основная тема работы С. Хафнера – невозможность уйти от политики в обособленную частную жизнь, скрыться от тоталитарного идеократического режима, идеология которого затрагивает все стороны существования граждан. Автор характеризует исторические события, связанные с приходом нацистов к власти, с точки зрения их воздействия на частную жизнь: "Разные исторические события имеют разную степень интенсивности. Иное „историческое событие“ может остаться совершенно незамеченным в подлинной действительности, то есть в личной, приватнейшей жизни простых людей, – тогда как другое не оставит от неё камня на камне"¹⁰. Например, уход Бисмарка в отставку, по мнению С. Хафнера, стал важным событием истории Германии, символически знаменовав окончание целой эпохи, однако это событие непосредственно никак не отразилось на жизни рядовых граждан. Назначение же в 1933 г. А. Гитлера рейхсканцлером стало, считает историк, землетрясением, затронувшим жизнь шестидесяти шести миллионов человек населения Веймарской Германии.

Автор начинает своё повествование о современной ему истории Германии с Первой мировой войны и предшествовавшего ей исторического этапа. С. Хафнер вспоминает атмосферу всеобщей радости, сопутствовавшую началу Первой мировой войны, и достаточно подробно на собственном примере останавливается на аспектах разницы восприятия войны старшим поколением, ветеранами-фронтовиками, и молодым поколением, не принимавшим в ней участия. По мнению историка, для людей его поколения, детство которых пришлось на Первую мировую войну, она осталась захватывающим воспоминанием о грандиозных событиях. Это поколение, воспринявшее войну с детской неадекватностью, психологически оказалось готовым и стремилось к новому мировому конфликту: "Сложившееся в детстве, а затем в течение четырёх лет вколачивавшееся в мозги совершенно фанатическое представление о войне может спустя два десятилетия превратиться в смертельно опасное мировоззрение большой политики"¹¹. Поколение настоящих нацистов, по мнению С. Хафнера, – это "люди, родившиеся в десятилетие между 1900 и 1910 годом, воспринимавшие войну вне её реальности, как большую, захватывающую игру"¹².

Анализируя социально-политические трансформации и настроения общества послевоенной Германии, в частности разнообразные

⁷ Пролог // Хафнер С. История одного немца... С. 7–106.

⁸ Революция // Там же. С. 108–202.

⁹ Прощание // Там же. С. 203–330.

¹⁰ Хафнер С. История одного немца... С. 11.

¹¹ Там же. С. 22–23.

¹² Там же. С. 24.

революционные потрясения, автор приходит к мнению, что "революция не смогла, в отличие от войны, предложить образ бытия, в котором можно было бы складно и понятно расположить все её события"¹³. В таких условиях постепенно вызревала готовность общества к приходу к власти нацистов. Одним из ключевых факторов радикализации политического режима историк считает военные и политические традиции Германии: "Увы, военным в Германии недостаёт гражданского мужества. Гражданское мужество, то есть способность принять собственное решение и нести за него ответственность, – добродетель в Германии весьма редкая... Но эта добродетель и вовсе покидает немца, стоит ему надеть военную форму. Немецкий солдат и немецкий офицер беспримерно храбрые на поле боя, почти всегда готовые, выполняя приказ начальства, открыть огонь по гражданским своим соотечественникам, становятся трусливыми как зайцы, если им нужно ослушаться начальства"¹⁴.

Интересны данные С. Хафнером характеристики немецких политиков, включающие описание социальной среды их происхождения. Автор восхищается убитым праворадикальными боевиками националистической антисемитской организации промышленником и министром иностранных дел Германии Вальтером Ратенау – достаточно образованным, чтобы быть выше образования, достаточно богатым, чтобы быть выше богатства, достаточно светским человеком, чтобы быть выше условностей высшего общества¹⁵. Политик представляет для С. Хафнера противоположный А. Гитлеру политический, социальный и этический полюс. Лидер же нацистов характеризуется как выходец "из джунглей, из грязи и тьмы бульварной философии и бульварного чтения; из подземного, подпочвенного мира, где в мутном вареве роятся бесы мещанских чуланов, ночлежек, казарменных сортиров и застенков"¹⁶.

По мнению историка, начало 1920-х гг. готовило Германию не собственно к нацизму, а к любой радикальной авантюре, замешанной на фанатизме¹⁷. Этому способствовали революционные и дезинтеграционные

¹³ Хафнер С. История одного немца... С. 36.

¹⁴ Там же. С. 45–46. Ср.: Гизевичус Г.Б. До горького конца: Записки заговорщика. Смоленск: Русич, 2002. 683 с.; Бертольд В. 42 покушения на Адольфа Гитлера. Смоленск: Русич, 2003. 349 с.

¹⁵ Хафнер С. История одного немца... С. 55. См.: Kessler H. Walther Rathenau, His Life and Work. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1930. 412 p.; Walter Rathenau: Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician: Notes and Diaries 1907–1922. Oxford: Clarendon Press, 1985. 360 p.; Ратенау В. Механизация жизни. Пб.: Атений, 1923. 51 с.; Он же. Новое хозяйство. М.; Пг.: Изд-во Сев.-зап. промбюро ВСНХ, 1923. 79 с.; Он же. Новое государство. М.: Берег, 1922. 42 с.; Он же. Генуя и Канны. М.: Изд-во ВСНХ, 1923. 86 с.; Пиннер Ф. Вожди германской промышленности: Крупп, Стиннес, Сименс, Отто Вольф, Ратенау и другие. Ленинград: Время, 1925. 228 с.

¹⁶ Хафнер С. История одного немца... С. 56. Ср.: Хаманн Б. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 567 с.; Сургуладзе В.Ш. Социально-психологические истоки мировоззрения и политики Гитлера // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 242–248.

¹⁷ Хафнер С. История одного немца... С. 60. Ср. сходную точку зрения на готовность общества к радикальному политическому режиму вне зависимости от его идеологической окраски, высказанную сверстником С. Хафнера американским классиком политической психологии Эриком Хоффером: Хоффер Э. Человек убеждённый: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2017. 205 с.; Сургуладзе В.Ш. "Человек

процессы, апокалиптические настроения, рост количества ораторов, провозглашавших себя спасителями Отечества, одним из которых был А. Гитлер¹⁸. В период с 1914 по 1924 г. в Германии была уничтожена нормальная жизнь в её буржуазном, частном измерении и на смену этой жизни стали приходиться массовые увлечения и интересы, прежде всего развитие небывалой до того спортивной мании¹⁹, неверие в либеральные институты и распространение цинизма. Автору удалось передать атмосферу межвоенной Германии, в особенности 1920-х гг., которую вполне можно считать показательным примером социальной аномии²⁰, свойственной обществам, переживающим радикальный социально-экономический, социально-политический и социокультурный слом.

С. Хафнер считает, что образованным слоям немецкого общества просто не приходило в голову, что всё, сказанное А. Гитлером, может говориться всерьёз²¹, равно как и политики на международной арене не воспринимали эту риторику. Привычная логика буржуазной легальности и легитимности говорила о том, что "у нацистов есть шанс учинить немало бед, но нет ни одного шанса удержаться у власти"²². Однако жизнь опровергла подобные ожидания и надежды.

Фактическим переворотом автор считает "распоряжение Гинденбурга, отменившее свободу личного мнения, тайну переписки, телефонных переговоров и предоставившее полиции неограниченное право обысков, конфискации и арестов"²³.

Как юрист по профессии, С. Хафнер много внимания уделяет эрозии правовой системы Германии, размышляет над тем, был ли приход нацистов к власти революцией, но не даёт однозначного ответа, хотя, по-видимому, сам *фактически* приходит к утвердительному мнению, поскольку называет так второй раздел своей работы²⁴. "Что такое революция? – задаётся

убеждённый": Закономерности развития массовых движений по Эрику Хофферу // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1 (52). С. 198–204.

¹⁸ Хафнер С. История одного немца... С. 73–74.

¹⁹ Там же. С. 82–86.

²⁰ Аномия (от греч. *a* – отрицательная частица + *nomos* – закон, обычай, порядок) – размывание устойчивой ценностно-нормативной системы социума и образование в этих условиях ценностного вакуума. Социологи Э. Дюркгейм и Р. Мертон, благодаря исследованиям которых данное понятие получило распространение, называли аномией девиантное поведение личности в результате исторически обусловленных процессов разрушения базовых ценностных установок культуры общества в условиях резкой смены общественных идеалов, норм этики и морали. В условиях аномии общество переживает ценностную дезорганизацию, распад консенсусных представлений об общем благе и отчуждение по отношению к государству, правительству, представителям других классов и социальных групп, отвергает как новые, так и сложившиеся в прошлом образцы социального поведения. Проявлениями аномии являются рост общей социальной напряжённости, уровня преступности, наркомании, алкоголизма, девальвация ценностей семейных связей, что выражается в увеличении числа разводов и неполных семей. В целом аномия характеризуется разрушением единства культуры, понижением уровня социальной, политической и информационной безопасности, вследствие чего ухудшается и общее состояние комплексной национальной безопасности государства.

²¹ Хафнер С. История одного немца... С. 115–117.

²² Там же. С. 120. См. также с. 121 и др.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Революция // Там же. С. 108–202.

вопросом историк. – Государственное право утверждает: изменение конституционного строя непредусмотренными конституцией средствами. Если согласиться с этой сухой дефиницией, то нацистская „революция“... не была революцией. Ибо всё происходило строго „законно“, с использованием средств, предусмотренных конституцией. И „чрезвычайные распоряжения“ рейхспрезидента, и решение передать неограниченную законодательную власть правительству, решение, за которое проголосовали больше двух третей депутатов рейхстага, как оно и полагается при внесении изменений в конституцию”²⁵.

С. Хафнер констатирует, что вся указанная *формальная* законность была очковтирательством, но он не готов характеризовать этот путь к обретению НСДАП абсолютной власти как "революцию" из-за отсутствия каких-либо масштабных вооружённых столкновений.

В то же время автор отмечает расползание уличного террора, который самими нацистами расценивался в качестве революционного, сопутствующего всем революциям²⁶. Как и многие современники, историк косвенно подтверждает, что многие нацисты считали себя революционерами: "Террор 1933 года был делом рук настоящего кровожадного плебса, подонков из SA²⁷ (SS²⁸ тогда ещё не играло такой роли, как впоследствии), – но SA действовали при этом как „вспомогательные отряды полиции“: никакой спонтанности, возбуждения и никакого риска, – напротив, штурмовики чувствовали себя уверенно, зная, что выполняют приказ, и неукоснительно соблюдая строгую дисциплину²⁹. С внешней стороны это был революционный террор: оравы диких небритых хамов вламываются ночью в дом и волокут беззащитных сонных людей в пыточные подвалы. Но внутренним содержанием их акций был реакционный террор: холодное, точно рассчитанное государственное мероприятие, совершаемое при умелом полицейском и военном прикрытии”³⁰.

Усугубляло эту атмосферу террора, свидетельствует С. Хафнер, появление по утрам на газетных тумбах рядом с афишами кинотеатров и рекламными объявлениями ресторанов списков гильотинированных³¹.

После прихода нацистов к власти сразу же обнаружилось тотальное переформатирование информационного и идеологического поля. Начался расцвет литературы "крови и почвы", был введён запрет на неудобных авторов. С. Хафнер считает, что незамеченной в мире, но показательной реакцией на неимоверный идеологический гнёт и культурный диктат нацистского государства стало появление потока идиллической литературы – воспоминаний о детстве, семейных романов, книг о природе, разнообразной пейзажной лирики, в которых люди пытались найти успокоение от ужасов и нестабильности окружавшей их действительности³²: "Книжки,

²⁵ Хафнер С. История одного немца... С. 136.

²⁶ Там же. С. 141.

²⁷ SA – штурмовые отряды (сокр. от нем. *Sturmabteilung*).

²⁸ SS – отряды охраны (сокр. от нем. *Schutzstaffel*).

²⁹ Ср., напр.: Бойд Дж. Записки из Третьего рейха: Жизнь накануне войны глазами обычных туристов. М.: Эксмо, 2020. 608 с.

³⁰ Хафнер С. История одного немца... С. 140.

³¹ Там же. С. 279–280.

³² Там же. С. 231–232.

полные овечьих колокольцев, полевых цветов, счастья летних детских каникул, первой любви, запаха сказок, печёных яблок и рождественских ёлок, – литература чрезмерной назойливой задушевности и вневременности... хлынула на полки книжных магазинов в самый разгар погромов, шествий, строительства оборонных заводов и концлагерей, когда на каждом углу торчали витрины со „Штюрмером“³³.

Ключевым внутривнутриполитическим фактором, позволившим нацистам прийти к власти, по мнению историка, являлось бездействие немецких коммунистов, которые годами казались общественному мнению грозной силой, но в момент решающего кризиса не сделали ничего, чтобы противостоять нацистам³⁴. "Ужасающая моральная несостоятельность руководства всех антинацистских партий – важнейшая черта „революции“... 1933 года. Эта несостоятельность сделала победу нацистов невероятно лёгкой"³⁵. Характерно, что при этом произошёл роспуск и разгром не только левых, но и правых общественных и политических, в том числе военизированных, организаций. Иначе говоря, нацисты вне зависимости от идеологических предпочтений не хотели терпеть рядом с собой никаких альтернативных политических сил.

"В течение 1933 года, – свидетельствует С. Хафнер, – в нацистскую партию вступали сотнями тысяч. Вступали те, кто до сих пор противостоял нацистам. Их называли „павшие в марте“³⁶. К ним с недоверием и презрением относились сами нацисты. Сотнями тысяч переходили к нацистам прежде всего рабочие из социал-демократических и коммунистических организаций"³⁷. Историк считает, что для подобного развития событий было много самых разных причин. Одним из мотивов он видит страх, предпочтение избивать, чтобы не быть избитым.

Люди надеялись, что даже в этих условиях смогут сохранить собственное мнение в кругу семьи, однако нацистское государство сразу же повело полномасштабное наступление на частную жизнь. Этот процесс 1933–1934 гг. получил название политики "выравнивания" (*Gleichschaltung*) и был направлен на воплощение принципа *Ein Reich, ein Volk, eine Partei* ("Один рейх, один народ, одна партия"), обретение контроля за общественными и политическими процессами. В практической плоскости эта политика среди прочего заключалась в захвате нацистами всех местных государственных учреждений и полном разрушении присущей Германской империи и Веймарской республике федеративной системы, консолидировавшей государство на базе общенемецкой национальной идентичности, без пережитков деления на саксонцев, баварцев, пруссаков и представителей других областей, руководить которыми должны были

³³ Хафнер С. История одного немца... С. 231. "Штюрмер" (*Der Stürmer*, "Штурмовик") – нацистская газета, выходившая с 1923 по 1945 г.

³⁴ Там же. С. 134–135.

³⁵ Там же. С. 148.

³⁶ "Павшие в марте" (*Märzgefallenen*) – двойная ирония автора, поскольку так в немецкой традиции именовались погибшие в Берлине во время революции 1848 г., похороны которых превратились в мощную революционную демонстрацию. См.: Хафнер С. История одного немца... С. 387–388. См. также с. 289, 420.

³⁷ Там же. С. 150.

назначаемые из Берлина партийные руководители НСДАП – гауляйтеры³⁸. Навсегда были распущены ландтаги федеративных земель. "Эта новость, – отмечает С. Хафнер, – не вызвала никакого интереса, хотя и означала ни много ни мало как государственно-правовое уничтожение таких древних и великих образований, как Пруссия и Бавария"³⁹.

Одновременно шёл процесс перестройки всего государственного аппарата, частью которой стала тотальная проверка на лояльность новому режиму. Проверяли на благонадёжность даже чиновников на пенсии, которым после десятилетий государственной службы пришлось доказывать свои заслуги, заполняя бесконечные анкеты, заверяя подписью безоговорочную поддержку "правительства национального возрождения"⁴⁰.

Одной из наиболее интересных частей работы С. Хафнера с точки зрения политической психологии и практических технологий управления массовым сознанием представляется проанализированная им и испытанная на себе система принудительного привлечения молодёжи к воинской службе, которая, по сути, рассматривается автором как важнейший институт идеологического воспитания масс. Так, в один момент все юристы, претендовавшие на должность ассессоров, после сдачи письменных экзаменационных работ были извещены о необходимости отправиться в лагерь военной подготовки: "В здоровой товарищеской обстановке, занимаясь военно-спортивной подготовкой, – говорилось в извещении, текст которого приводит историк, – они получают надлежащую мировоззренческую выучку и подобающее воспитание, дабы впоследствии быть достойными великих задач, что предстоят им, будущим немецким народным судьям"⁴¹. Таким образом, чтобы сдать экзамен по праву, необходимо было научиться стрельбе и маршировке.

Как и многие другие очевидцы и современники описываемого исторического периода, С. Хафнер отмечает характерный самоуспокоительный аргумент противников гитлеровского режима – высказывавшуюся уверенность в том, что рано или поздно военные покончат с нацистским руководством. Однако люди, выражавшие эту надежду, "сознательно закрывали глаза на тот факт, что как раз рейхсвер и был каналом, через который их энергия поступала на службу Гитлеру"⁴². Впоследствии таким же каналом стал вермахт, который, по мнению автора, представлял собой аристократический путь во внутреннюю эмиграцию.

Предпринятый С. Хафнером анализ использования военной службы в качестве инструмента идеологического воспитания и снятия социально-политического напряжения в обществе заставляет вспомнить работы деятеля времён Великой французской революции Э.-Ж. Сийеса, посвящённые вопросам воспитания консолидированной гражданско-правовой французской нации⁴³, и концепцию агентного состояния личности С. Милгрэма, описывавшую, как включённость человека в сложные коллективные

³⁸ Хафнер С. История одного немца... С. 210, 397.

³⁹ Там же. С. 295.

⁴⁰ Там же. С. 264.

⁴¹ Там же. С. 276.

⁴² Там же. С. 305.

⁴³ Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / Сост. и пер. М.Б. Певзнера. СПб.: Алетейя, 2003. 222 с.

действия позволяет манипулировать поведением и отключать моральные ограничения при совершении преступлений⁴⁴. Немецко-британский историк не вдаётся в сравнительный педагогический и теоретический анализ механизмов перековки личности средствами армейской службы, однако предлагает интересный взгляд на его практическое воздействие. Так, дух товарищества и армейской взаимовыручки объединял и помогал закрывать глаза на происходящее вокруг, в том числе радикальное преобразование гражданской жизни, в которой это счастье воинской дружбы отсутствовало⁴⁵. По мнению С. Хафнера, "товарищество... полностью устраняет чувство личной ответственности, как в гражданском, так и в религиозном смысле... Человек делает то, что делают все. У него нет выбора. У него нет времени на размышления... Его совесть – это его товарищи, она даёт ему отпущение всех грехов, пока он делает то же, что все"⁴⁶.

Кроме рейхсвера аналогичные психологические процессы трансформации массового сознания происходили в гитлерюгенде, штурмовых отрядах, тысячах спортивных лагерей и союзов⁴⁷, которые обеспечивали чувство сопричастности системе и единства с другими, что лишало человека способности жить "ответственной, цивилизованной жизнью"⁴⁸.

Больше всего удивлял С. Хафнера внешнеполитический аспект совершившихся событий. Резкий поворот Германии к авторитаризму, казалось, не пугал остальной мир. "Неужели левых гуманистов в Англии и Франции не ужасает неприкрытая варварская тирания, установленная совсем недалеко от их границ, – а у правых националистов разве не вызывает тревогу стремительный подъём немецкого милитаризма и открытое, с первых дней не скрывавшееся нацистами вооружение Германии? Разве не должны Англия и Франция, независимо от того, правые или левые там у власти, в какой-то момент потерять терпение, применить пока ещё во много раз превосходящую военную мощь и в одну неделю покончить со зловещим призраком? Или придётся допустить мысль, что политики этих стран поражены слепотой. При всём желании не верилось, что эти политики могут спокойно смотреть на то, как в Германии открыто точат ножи на их страны, и позволят усыпить себя „речами о мире“, подлинный смысл которых был ясен каждому школьнику в Германии"⁴⁹.

"История одного немца" С. Хафнера – важный документ эпохи, источник по внутриполитической истории Германии XX в., дающий наглядную картину социально-политической и социокультурной трансформации Веймарской республики в Третий рейх.

Издание снабжено информативными комментариями⁵⁰ и Послесловием⁵¹ историка и переводчика Никиты Елисеева. Книга будет полезна политологам, социологам, специалистам-международникам, потому что

⁴⁴ Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 316 с.; Сургуладзе В.Ш. Концепция подчинения авторитету С. Милгрэма и проблемы прогнозирования социально-политического поведения // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 217–224.

⁴⁵ Хафнер С. История одного немца... С. 314–320, 323 и др.

⁴⁶ Там же. С. 317–318.

⁴⁷ Там же. С. 316.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 254.

⁵⁰ Там же. С. 331–430.

⁵¹ См.: Елисеев Н. Хафнер и его книга // Там же. С. 431–443.

демонстрирует, насколько труднопрогнозируемым и неожиданным может быть крах сложившейся и привычной социально-политической системы в условиях, когда и политические партии, и социально-политические институты становятся фиктивными, по сути, не отвечающими своему названию, форме, предполагаемым функциональным задачам и целям.

Ключевые слова: *Себастьян Хафнер – Третий рейх – история Германии XX в. – частная и общественная жизнь – личное пространство – политическая психология – идеология – идеократия.*

Keywords: *Sebastian Haffner – the Third Reich – history of Germany in the XXth century – private and public life – privacy – political psychology – ideology – ideocracy.*